

УДК 39(470.55/58)

DOI: 10.31040/2222-8349-2024-0-4-169-173

**ТИПЫ ОБЩНОСТЕЙ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА И ПРИУРАЛЬЯ  
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Р.Г. КУЗЕЕВА**

© Ф.Г. Галиева

Материалы настоящей публикации были озвучены на Международной научно-практической конференции «Этнос. Общество. Цивилизация: VII Кузеевские чтения» (Уфа, 26–27 сентября 2024 г.), приуроченной к 95-летию выдающегося этнографа, этнолога, организатора науки, общественного деятеля Раиля Гумеровича Кузеева. Показано, что научная проблема межкультурных взаимодействий и взаимовлияний была сформулирована Р.Г. Кузеевым как особенно актуальная для полиэтнического региона и разрабатывалась в Институте этнологических исследований УФИЦ РАН, который ныне носит его имя, на протяжении многих лет. Возможность ее разработки была связана с выдвижением Р.Г. Кузеевым теории о формировании Волго-Уральской историко-этнологической области, организацией региональной этнографической науки, подготовкой Р.Г. Кузеевым и его соратниками научных кадров – специалистов в области этнографии и фольклора тюркских, восточнославянских, финно-угорских и других народов, проведением планомерных полевых исследований в разных областях этнических культур. Автор публикации, опираясь на теорию и методологию Р.Г. Кузеева, характеризует общность культур народов Южного Урала и Приуралья, возникшую в результате формирования в рамках одного этногенетического ядра, а впоследствии длительных этнических взаимодействий и взаимовлияний. Итогом исследования стало выделение синкретичной и синтетической этнокультурной общности русских, башкир, татар, чувашей, удмуртов, марийцев, украинцев, белорусов, латышей, крымчан. В музыкальном фольклоре чувашей и удмуртов показано влияние башкир и татар на развитие мелодической орнаментации и пентатоники, а также формирование в регионе русского этнокультурного суперстрата. В обрядовой культуре приведены примеры восприятия чувашами, марийцами и удмуртами башкирских и татарских обычаев (*сапантуй* у чувашей, *дийын* у марийцев, *жазг ыш* у удмуртов), а в последние годы – унификацию многих народных праздников и обрядов. В хозяйственной деятельности подчеркнута роль русского крестьянского населения как посредника в передаче традиций от западных переселенцев (латышей, украинцев, белорусов) местным этносам. В антропологии народов установлены общие закономерности, обусловленные социально-экономическими процессами и господствующей идеологией (имена-советизмы, интернациональные слова) и восприятие некоторыми переселенцами, например, удмуртами, тюркских имен, ставших этнически традиционными.

Ключевые слова: научная школа Раиля Гумеровича Кузеева, Южный Урал и Приуралье, полиэтнический регион, межкультурные взаимодействия, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева.

**Введение.** Целью статьи является выявление общего пласта этнических культур народов Южного Урала и Приуралья. Предметом исследования стали: музыкальный фольклор, обрядовая культура, хозяйственная деятельность и антропонимия башкир, татар, русских, украинцев, белорусов, чувашей, марийцев, удмуртов, крымчан, латышей – крупных и малочисленных этносов с разной этногенетической и этнокультурной историей. Методом исследования является сравнительно-исторический анализ и обобщение материалов, собранных автором статьи и другими исследователями, включая представителей научной школы Р.Г. Кузеева.

Методология изучения межкультурных связей в Волго-Уральском регионе разрабаты-

валась Раилем Гумеровичем Кузеевым в ходе полевых исследований [1, 2] и в завершённом виде представлена в ряде работ, особенно в монографии «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю» [3]. Книга писалась в период становления научной школы Р.Г. Кузеева, подготовки его учениками кандидатских диссертаций. Рукопись монографии многократно обсуждалась, и хотя многие проблемы становления Волго-Уральской историко-этнографической области и ее этнического состава, рассмотренные в книге, в то время для молодежи были малопонятны, но в методологическом плане принципы изучения межкультурных связей и формирования этнокультурных общностей стали ориенти-

ром для учеников Р.Г. Кузеева, в том числе автора статьи. Одним из основополагающих принципов стало рассмотрение этнокультурной общности народов как синкретичной – результата формирования тюркских и финно-угорских культур в рамках одной историко-этнографической общности, так и синтетичной – возникшей в ходе длительных межкультурных связей в контактной зоне (тюркских, финно-угорских, восточнославянских и других этносов).

**Результаты и обсуждение.** Автором статьи установлена и синкретичная, и синтетическая общности разных народов в музыкальном фольклоре [4]. Этнокультурная общность башкир и татар выражается в жанровом составе, стилистических особенностях (узун-кюй, кыска-кюй, хаммак кюй), средствах выразительности (например, большая роль повторов), ладовой основе (пентатоника), сюжетах, ритмике, форме (период), образном строе, манере исполнения, музыкальном строении, которое определяется силлабическим поэтическим стихосложением. Многие песни и мелодии трудно дифференцировать по этническому признаку, они принадлежат и башкирской, и татарской культурам [4].

Аналогичные явления имеют место в культурах восточнославянских (русские, украинцы, белорусы) народов Южного Урала и Приуралья, многие песни являются достоянием всех этих народов. В процессе собирания фольклора автором записано немало русских народных песен от белорусов и украинцев, которые для них стали «своими» (украинскими, белорусскими). В творческом багаже белорусов практически каждая пятая – общая с украинцами, каждая третья песня в репертуаре «башкирских белорусов» – русская [5].

Выявлена общность культур этносов, принадлежащих к разным этнографическим общностям. По исследованию М.Г. Кондратьева [6], музыкальная культура чувашей Южного Урала и Приуралья, представленная в основном традициями низовой этнографической группы, характеризуется общностью с культурами татар, башкир, а также марийцев. Она отличается от верховых и средненизовых чувашей ладоинтонационной структурой, ритмической организацией, формой, жанрами. Вероятно, результатом сложения культур еще в раннебулгарское время являются такие музыкальные принципы низовых чувашей, как строфическая организация песен, сочетание многослоговой и малослоговой форм, что не характерно верховым и средненизовым чувашам. Региональной особенностью является также сложная строфа с припевом. В низовой музыке присутствует разновид-

ность лада, которая не встречается у верховых чувашей, но зато есть у марийцев. Идеинотематическое содержание характеризуется афористичностью, законченностью сюжета порой в рамках одной небольшой строфы, что характерно также для татарской, башкирской и марийской музыкальных культур.

У чувашей, марийцев и удмуртов Башкортостана общность с татарской и башкирской культурой наблюдается в проникновении принципа богатого орнаментирования, развитой пентатоники, развертывания мелодики в широких диапазонах, строении мелодии (обилие малосекстовых и малосептимовых попевок), изгибе мелодической линии [6–8]. Указанные народы в XIX–XX вв. стали часто исполнять тексты своих песен на татарском языке, заимствовать и творчески перерабатывать музыкально-поэтический материал. Например, у чувашей заимствованием из татарского и башкирского фольклора является мелодия и поэтический сюжет баллады «Сак-Сук» [9]. В марийском фольклоре татарское влияние выявлено в словесных текстах и мелодике многочисленных песен. В то же время одnogолосная традиция этих этносов под влиянием русских, мордвы, украинцев сменилась на двухголосное и многоголосное пение [7].

Русский пласт культуры стал результатом формирования, расселения и длительного проживания этносов на одном геополитическом пространстве в условиях численного доминирования русского населения (последние столетия), совместного труда, военной службы, участия в войнах, проведения властями политики русификации (с XIX в.) и советизации (XX в.). На территории Южного Урала и Приуралья формирование русского пласта музыкальной культуры зафиксировано еще в XVIII–XIX вв. К этому времени относятся примеры заимствования башкирами или создания на свой лад инструментальных мелодий под влиянием русских военных маршей. В 1920-х гг. в среде народов проникли русские революционные песни, нередко в переводе на местные языки, в 1930-е – 1940-е гг. – русские народные лирические песни и песни советских композиторов. С 1960-е гг. русские песни и частушки стали неотъемлемой частью обрядовой и необрядовой культуры народов. В наши дни носителями русского фольклора являются представители разных этносов. Более того, в ряде случаев утраченные в среде русских образцы русского фольклора можно записать у представителей других этносов, особенно мордвы. Например, русские величальные песни проникли в мордовскую свадьбу [5].

Сплав музыкальных традиций народов Волго-Уральского региона имеет место у кря-

шен Башкортостана [10]. Их культура отличается от казанских татар, башкир и мишарей, но имеет аналогии с низовыми чувашами, восточными марийцами, южными удмуртами, а также русскими. Это касается общего «строительного материала» – мелодико-ритмической формульности, ритмических структур, интонационных оборотов, попевок и интонаций, что может быть свидетельством как генетического, так и культурно-исторического взаимодействия с указанными этносами. Более ранний пласт музыкальной культуры кряшен выражается в гетерофонии, более поздний пласт сформировался вследствие заимствования ряда жанров и песенных стилей из культуры казанских татар и башкир. Анализ ритмики традиционных песен кряшен показывает этнокультурную связь с другими народами Волго-Камского региона.

В обрядовой культуре народов общим древним пластом можно считать общественные земледельческие ритуалы *агапайрам* (праздник сохи) марийцев, *кереть озкс* (моление плуга) мордвы, *агаяшка* (вывоз плуга) удмуртов, *акатуй* (праздник сохи) чувашей, *сабантуй* башкир и татар. В местах расселения указанных народов с башкирами и татарами их земледельческие праздники включали конные скачки, национальную борьбу, игры, песни, танцы и прочие элементы, свойственные сабантую. У марийцев, носителей традиционной марийской религии, после молений проводился *сабантой*. У удмуртов в день окружного моления *мер вӧсь* также проводили конные скачки, на котором призом служили вышитые девушками полотенца [11], как у башкир и татар. Некрещеные чуваша с. Юльtimiровка Бакалинского района Башкортостана до сих пор устраивают общесельские коллективные моления *учук*, организуют обряд *акатуй* с борьбой, влезанием на шест, перетягиванием каната, бегом с мешками, бегом с коромыслами, прыжками. Победители получают полотенца, платки, яйца, собранные накануне у жителей села [12].

В общий пласт культуры, сформировавшийся в результате межкультурного взаимодействия народов, входит также *дийын* марийцев, представляющий собой заимствование и творческую переработку на свой лад обычая башкир и татар *йыйын / джиен*. *Дийын* проводится в Шаранском районе Башкортостана после окончания весенне-полевых работ, перед сенокосом и жатвой, последовательно по округам (1–2 марийские деревни) в течение 4–5 недель. В прошлом праздник бытовал в разных марийских селениях Приуралья [4].

Удмурты у башкир и татар заимствовали обычай коллективно проводить заготовку ту-

шек гусей на зиму – *жәзег ыш / каз өмәһе* (гусиные помочи). Они также ходят к водному источнику с коромыслами, подвесив тушки гусей, окунают в воду, произнося благопожелания.

В области хозяйственной деятельности автором установлено перенятие обычаев и формирование общих традиций разных народов через посредников – русских. Исследование латышей Южного Урала, проведенное Е.А. Чегодаевым, показало их большую роль в хозяйственном освоении и аграрном развитии региона. Вместе с белорусами они культивировали скороспелые сорта картофеля, дали импульс молочному животноводству (разведение метисов бестужевской и симментальской пород), товарному производству масла (в 1905 г. в колонии Ауструм была создана первая в Уфимской губернии маслодельная артель, вслед за которой появились артели у русских и других народов). Латыши первыми на Южном Урале освоили рамочное разведение пчел [13]. При этом передовые для своего времени технологии латышей перенимали вначале местные русские, а через них – и другие этносы.

Огородничество у башкир развивалась под влиянием русских, которые в свою очередь тесно взаимодействовали с мордвой (обмен семенами и рассадой) [14]. В коневодстве русские перенимали бесценный опыт башкир (в горнолесных районах в зимнее время стали практиковать тебеневку, то есть содержание лошадей в поле до глубокой зимы). От башкир русские Златоустовского уезда Уфимской губернии перенимали технологию изготовления седел и удил, плетения конской сбруи (нагайка, кнут, шлеи), способов украшения башкирскими орнаментами. Русское население заимствовало от башкир технологию изготовления охотничьих лыж – широкими, длинными и легкими, выдолбленными из сосны, а не из березы, приклеивая к внутренней стороне лыж полоску шкуры (*ка-мус*) [14].

В антропонимии тюркских, восточнославянских, финно-угорских и других народов [15] выявлены общие закономерности. В советское время появились одинаковые имена-советизмы (Маркс, Энгельс), интернациональные антропонимы (Альберт, Руслан), а в постсоветское время произошел возврат к некоторым досоветским традициям (Святослав, Карим). У «язычников» удмуртов возврата к исконно этническим антропонимам не наблюдается вследствие того, что для них «своими» считаются имена, заимствованные из тюркской и русской среды (Ранус, Рафик). У «язычников» чувашей с конца XIX в. происходил отказ от этнических «языческих» (Сильдебей, Савнечей, Иркач, Минкач),

переход к общетюркским и славянским (Игорь, Нина, Булат) именам, которые ныне бытуют как традиционные. В свою очередь у представителей интеллигенции из числа православных чувашей появилась мода на псевдонимы – имена-обереги тюркского происхождения (Тимер – «железо»). У латышей имен-советизмов не обнаружено ввиду непринятия советской власти в послереволюционные годы, интернациональные слова у них имелись, но звучали по-своему (смещение акцентов на первый слог имен, например, Альфред; вместо Янис – Иван).

Разнообразие этнокультурных явлений демонстрирует именованье села Улькунды Дуванского района Башкортостана, в котором есть традиционные антропонимы, советизмы, международные, имена, связанные с топонимами, миром растений и животных, химическими элементами, предметами быта, известными личностями, новшествами в обществе (Мекка, Гранит, Чингисхан, Дарвин, Марита, Мандат, Солдат, Авангард, Интернет, Виноград). Причиной сохранения традиционных антропонимов является гибкость традиции, открытость к переменам, возможность сосуществования и взаимодействия с новым.

**Выводы.** Подводя итоги исследования, подчеркнем, что концепция Р.Г. Кузеева о формировании Волго-Уральской историко-этнографической общности характеризует регион на протяжении тысячелетий как зону разнообразных межэтнических и межкультурных взаимодействий, своеобразную «этнологическую лабораторию» (термин Р.Г. Кузеева), в которой культуры находятся в состоянии перманентного развития. Сохраняя первооснову, они испытывают внешние влияния, абсорбируя их, перенимая целиком или в творческой обработке. Формирование общего пласта культуры народов Южного Урала и Приуралья произошло в разных областях этнических культур, лишь некоторые из которых рассмотрены в настоящей статье в качестве примера сложных этнокультурных процессов. Общность культуры способствует этнической консолидации разных народов.

*Исследование выполнено в рамках Госзадания ИЭИ УФИЦ РАН № 12204900118-5.*

### Литература

1. Петров И.Г. Экспедиционные исследования Р.Г. Кузеева по изучению башкирских родоплеменных знаков в 1975–1982 гг. // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 3. С. 94–100.
2. Петров И.Г. Экспедиционные маршруты ученого-этнолога Р.Г. Кузеева // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 2. С. 72–82.

3. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

4. Галиева Ф.Г. Музыкальный фольклор народов Башкортостана. Уфа: «Первая типография», 2022. 318 с.

5. Русский фольклор в Башкортостане / сост., автор вступ. ст. и коммент. Ф.Г. Галиева. Уфа: Башк. энцикл., 2020. 698 с.

6. Кондратьев М.Г. Традиционная музыкальная культура // Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993. С. 250–268.

7. Абукаева Л.А. Компаративные модели и образы в восточномарийских величальных песнях // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 3. С. 124–130.

8. Пчеловодова И.В., Анисимов И.В. Песенная традиция закамских удмуртов: история собирания и изучения // Государственность Удмуртии: историко-культурные практики и стратегия современного развития. Ижевск, 2020. С. 71–80.

9. Афанасьева Л.А., Ишкинина Г.А. «Сак-Сук», баит // Фольклор народов Башкортостана. Энциклопедия. Уфа, 2020. С. 438–439.

10. Народные песни крышен Башкортостана: (Бакалинский район) / под общ. ред. З.Н. Сайдашевой; Казанская консерватория. Казань, 2008. 200 с. (Памятники татарского народного музыкально-поэтического творчества; Вып. 3).

11. Садиков Р.Р. Сабантуй в празднично-обрядовой культуре закамских удмуртов (традиционные формы и современное бытование) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 1(8). 2020. С. 64–74.

12. Петров И.Г. Полевое моление «учук» некрещеных чувашей деревни Юльтимировка Бакалинского района Республики Башкортостан (по материалам экспедиций 2010, 2014 гг.) // Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 1. Уфа, 2017. С. 125–126.

13. Чегодаев Е.А. Латыши Башкортостана: этническая история и культура. Уфа: Мир печати, 2023. 193 с.

14. Галиева Ф.Г. Русские Башкортостана в межэтнических взаимодействиях (конец XIX – начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. 2016. № 1(25). С. 122–135.

15. Галиева Ф.Г. Личные имена народов Башкортостана: общие закономерности развития имён-творчества и своеобразие культур // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 3(41). С. 102–109.

### References

1. Petrov I.G. Ekspeditsionnye issledovaniya R.G. Kuzeeva po izucheniyu bashkirskikh rodoplemennykh znakov v 1975–1982 gg. // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, 2022, no. 3, pp. 94–100.
2. Petrov I.G. Ekspeditsionnye marshruty uchenogo-etnologa R.G. Kuzeeva // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, 2020, no. 2, pp. 72–82.

3. Kuzeev R.G. Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala. Etnogeneticheskiy vzglyad na istoriyu. Moscow: Nauka, 1992, 347 p.
4. Galieva F.G. Muzykal'nyy fol'klor narodov Bashkortostana. Ufa: «Pervaya tipografiya», 2022, 318 p.
5. Russkiy fol'klor v Bashkortostane / sost., avtor vstup. st. i komment. F.G. Galieva. Ufa: Bashk. entsikl., 2020, 698 p.
6. Kondrat'ev M.G. Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura // Etnicheskaya istoriya i kul'tura chuvashy Povolzh'ya i Priural'ya, Cheboksary, 1993, pp. 250–268.
7. Abukaeva L.A. Komparativnye modeli i obrazy v vostochnomariyskikh velichal'nykh pesnyakh // Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, no. 3, pp. 124–130.
8. Pchelovodova I.V., Anisimov I.V. Pesennaya traditsiya zakamskikh udmurtov: istoriya sobiraniya i izucheniya // Gosudarstvennost' Udmurtii: istoriko-kul'turnye praktiki i strategiya sovremennogo razvitiya, Izhevsk, 2020, pp. 71–80.
9. Afanas'eva L.A., Ishkinina G.A. «Sak-Suk», bait // Fol'klor narodov Bashkortostana. Entsiklopediya, Ufa, 2020, pp. 438–439.
10. Narodnye pesni kryashen Bashkortostana: (Bakalinskiy rayon) / pod obshch. red. Z.N. Saydashvey; Kazanskaya konservatoriya. Kazan', 2008, 200 p. (Pamyatniki tatarskogo narodnogo muzykal'no-poeticheskogo tvorchestva; vyp. 3).
11. Sadikov R.R. Sabantuy v prazdnichno-obryadovoy kul'ture zakamskikh udmurtov (traditsionnye formy i sovremennoe bytovanie) // Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya, no. 1(8), 2020, pp. 64–74.
12. Petrov I.G. Polevoe molenie «uchuk» nekreshchenykh chuvashy derevni Yul'timirovka Bakalinskogo rayona Respubliki Bashkortostan (po materialam ekspeditsiy 2010, 2014 gg.) // Dokumenty i materialy po istorii i etnografii narodov Yuzhnogo Urala. Vyp. 1. Ufa, 2017, pp. 125–126.
13. Chegodaev E.A. Latyshy Bashkortostana: etnicheskaya istoriya i kul'tura. Ufa: Mir pechati, 2023, 193 p.
14. Galieva F.G. Russkie Bashkortostana v mezhetnicheskikh vzaimodeystviyakh (konets XIX – nachalo XXI v.) // Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 1(25), pp. 122–135.
15. Galieva F.G. Lichnye imena narodov Bashkortostana: obshchie zakonomernosti razvitiya imyatvorchestva i svoeobrazie kul'tur // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy, 2023, no. 3(41), pp. 102–109.

## TYPES OF CULTURAL COMMUNITIES OF THE PEOPLES OF THE SOUTHERN URALS AND THE URALS IN THE LIGHT OF R.G. KUZEEV'S CONCEPT

© F.G. Galieva

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre  
of the Russian Academy of Sciences,  
6, ulitsa Karla Marksa, 450077, Ufa, Russian Federation

The materials of this publication were announced at the International Scientific and Practical Conference "Ethnos. Society. Civilization: VII Kuzeev Readings" (Ufa, September 26–27, 2024), dedicated to the 95th anniversary of the outstanding ethnographer, ethnologist, organizer of science, public figure Rail Gumerovich Kuzeev. It is shown, that the scientific problem of intercultural interactions and mutual influences was formulated by R.G. Kuzeev as particularly relevant for a multiethnic region and was developed at the Institute of Ethnological Research of the UFIC RAS, which now bears his name, for many years. The possibility of its development associated with the nomination by R.G. Kuzeev of the theory of the formation of the Volga-Ural historical and ethnological region, the organization of regional ethnographic science, the training of R.G. Kuzeev and his associates of scientific personnel – specialists in the field of ethnography and folklore of Turkic, East Slavic, Finno-Ugric and other peoples, conducting systematic field research in various fields ethnic cultures. The author of the publication, based on the theory and methodology of the W.G. Kuzeeva characterizes the commonality of the cultures of the peoples of the Southern Urals and the Urals, which arose as result of the formation within the framework of one ethnogenetic core, and subsequently long-term ethnic interactions and mutual influences. The result of the study was the identification of a syncretic and synthetic ethnocultural community of Russians, Bashkirs, Tatars, Chuvash, Udmurts, Mari, Ukrainians, Belarusians, Latvians, Kryashens. The musical folklore of the Chuvash and Udmurts shows the influence of Bashkirs and Tatars on the development of melodic ornamentation and pentatonics, as well as the formation of a Russian ethnocultural superstrate in the region. The ritual culture provides examples of the perception of Bashkir and Tatar customs by the Chuvash, Mari and Udmurts (*sapantuy* among the Chuvash, *diyyın* among the Mari, *žazeg ыш* among the Udmurts), and in recent years – the unification of many national holidays and rituals. The economic activity emphasizes the role of the Russian peasant population as an intermediary in the transfer of traditions from Western immigrants (Latvians, Ukrainians, Belarusians) to local ethnic groups. In the anthroponymy of peoples, general patterns established due to socio-economic processes and the prevailing ideology (names-Sovietism, international words) and the perception by some immigrants, for example, Udmurts, of Turkic names that have become ethnically traditional.

Keywords: Rail Gumerovich Kuzeev Scientific School, Southern Urals and the Urals, polyethnic region, intercultural interactions, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research.